

— Тун-второй! Проклятый, ты ради того, чтобы женить своего сына, погубил моего!

Тун-сао бросилась в толпу, вытащила оттуда мечущегося из стороны в сторону мужчину средних лет и принялась яростно колотить его кулаками.

Все взгляды тотчас устремились на них. Тун-второй поспешно отцепил руки невестки:

— Ты что творишь? Сын, сын... Да посмотри ты на свою девчонку, разве она похожа на мужчину? Позорит весь наш род Тун! Ее нужно как можно скорее выдать замуж, я же ради вас стараюсь!

Эти слова лишь сильнее ранили Тун-сао. Ее желтоватое лицо залилось краской, руки мелко дрожали:

— Как у тебя только язык поворачивается?! Разве вы не знаете, почему мой Сю-эр вырос таким слабым?

Она судорожно вытирала текущие по лицу слезы, но те лились лишь сильнее:

— С самой беременности я не знала ни сытости, ни нормальной одежды. В лютый холод, когда валил снег, на седьмом месяце я была вынуждена лезть в ледяную воду работать. Поскользнулась, упала, и ребенок...

Тун-сао разрыдалась, не в силах сдержать рыдания:

— Когда Сю-эр родился, он был крошечным, как котенок. Вы сказали, что он не жилец, и едва я оправилась после родов, как вы тайком попытались утопить его в ночной вазе! Я, из последних сил, вырвала его из ваших рук. У ребенка оказалась крепкая судьба: он пережил сто дней, пережил пять лет, но... но...

Она закрыла лицо руками и завывала:

— Вы все равно не считали его за человека! Летом он ел рисовую шелуху, зимой — древесную кору, с малых лет стирал и шил, помогая по дому. Я никчемная мать, я заслужила эти страдания. Но он ведь еще ребенок! Он тоже из рода Тун! Как у вас хватило совести так с ним поступать? А теперь еще смеете упрекать его в том, что он не такой крепкий, как остальные мужчины!

Хоть все это было секретом полишинеля, публичный упрек заставил лицо Тун-второго вспыхнуть от стыда. Он раздраженно махнул рукой:

— Баба, к чему ворошить старое тряпье? В деревне все бедно живут, разве у других не так? По-

моему, это ты слишком изнеженная: чуть поработала — и упала, кого винить? А твой Тун Сю... не вышел судьбой, чтобы быть господским сыночком, вот и нечего мечтать! Наш род Тун не собирается его баловать!

— Ты... ты... — Тун-сао схватилась за сердце, едва не теряя сознание.

Сердце ее было пронзено, растоптано и окончательно умерло.

— Я с тобой поквитаюсь!

Издав пронзительный крик, она снова бросилась на него:

— Если сегодня Сю-эра заберут, я заставлю тебя заплатить жизнью!

В этот раз она была готова идти до конца. Тун-второй уже не мог так легко отшвырнуть ее, наоборот, ее безумный напор прижал его к земле. Тун-сао не только исцарапала ему лицо, но и схватилась за тесак для дров, намереваясь покончить с ним.

Невестка с ножом на деверя — такое зрелище пропускать было нельзя!

Так продолжалось, пока не появилась старуха, которая, семена маленькими ножками, вихрем ворвалась во двор:

— Кто смеет бить моего сына? Сначала переступите через меня!

Поскольку это была свекровь, Тун-сао невольно разжала руки. Тун-второй, дрожа от страха, спрятался за спину старухи Тун.

Старуха Тун была известна в деревне Баба как невыносимая мегера. В молодости она бранилась от начала до конца деревни, а в старости стала и вовсе невыносимой, пользуясь своим возрастом. Однако она родила троих сыновей и двух дочерей. В деревне многодетность, особенно наличие сыновей, позволяло человеку стоять твердо на ногах. Поэтому, несмотря на ее склочный характер и любовь к наживе, люди вынуждены были проявлять к ней уважение.

А вот ее невесткам приходилось несладко. Особенно Тун-сао, женщине из бедной семьи, вышедшей замуж во второй раз, чей муж был самым нелюбимым сыном в семье Тун.

— Матушка... — нехотя проговорила Тун-сао.

Она могла поднять нож на Тун-второго, но на свекровь — ни за что.

Однако старуха, не говоря ни слова, огрела ее палкой:

— Бесстыжая тварь, кто тебе матушка!

Хоть старуха была в годах, силы ей было не занимать. От удара Тун-сао вскрикнула и повалилась на землю.

Тун Сю, которого уже успели вытащить во двор, услышав крик матери, отчаянно забился:

— Мама! Мама, что с тобой? Не смейте обижать мою маму!

Его бешеное сопротивление застало чернявого мужчину врасплох, и тот разжал руки. Тун Сю, словно жеребенок, бросился обратно в дом.

Увидев мать и сына, обнявшихся на полу, старуха Тун фыркнула:

— Ишь, невоспитанные! Орут, визжат, даже старших не поприветствовали! Я ведь сразу говорила: не бери в жены такую потаскуху, только позорит наш дом Тун. Так и вышло...

Тун-сао подвернула ногу, и Тун Сю, не обращая внимания на старуху, принялся растирать ей щиколотку.

Зато чернявый мужчина в ярости прибежал обратно:

— Старуха, у вас в семье хоть капля честности осталась? — его лицо почернело от гнева. — Если так дело пойдет, моя сестра не выйдет замуж за вашего парня!

— Что ты несешь?! — рявкнула на него старуха Тун.

— Свадьба состоится, и сегодня же вы его заберете, я сказала! — отрезала она.

Тун-сао встревожилась:

— Нет! Я не согласна!

— А кто тебя спрашивает? — старуха Тун застучала палкой по земле. — Развратная девка, я еще жива, а ты уже собралась порядки устанавливать?

— Матушка, — возразила Тун-сао, — раз мы отделились, как я могу не распоряжаться своей судьбой...

— Отделились? — взвизгнула старуха.

— Кто сказал, что вы отделились? Я такого не говорила! Это ты сама себе напридумывала, размечталась!

Тун-сао вспыхнула:

— Матушка, вы забыли? Когда мой муж сломал ногу и не смог зарабатывать, вы придирались к каждой мелочи, а потом, не слушая никаких доводов, выгнали нас из дома. Мы оказались в этой лачуге на краю деревни только поэтому.

Впрочем, об этом знали все в деревне. В молодости Тун-старший обладал силой быка, и семья Тун выжимала из него все соки. А когда он сломал ногу на стройке, отношение к нему изменилось на сто восемьдесят градусов. Его называли калекой, обузой, а его семью — нахлебниками, что едят белый рис.

В то время Тун-сао взяла на себя всю работу по дому и в поле, трудилась до изнеможения, пытаясь восполнить то, что муж больше не мог приносить доход. Но семья все равно их не приняла.

Однажды в проливной дождь старуха Тун нашла предлог и выставила их троих за дверь. Не разрешила взять ничего, обошлась с ними хуже, чем с собаками. Они, спотыкаясь в грязи, добрались до этой развалюхи на краю деревни, где с трудом выживали все эти годы.

Но старуха Тун была такой, что могла отрицать что угодно, даже если ей привести неопровержимые доказательства.

— Разве это называется отделением? — она прищурила старческие глаза, в которых блеснул алчный огонек.

Она издала короткий, сухой смешок.

— Я говорила, что вы отделяетесь? Если я не говорила, значит, никакого отделения не было! А вы, неблагодарные, все эти годы забыли про родную мать, ни гроша в общую кассу не внесли. Сплошное нечестие!

Под ошарашенными взглядами матери и сына, старуха Тун выдала нечто совсем уж невероятное:

— По-моему, вы еще и должны доплатить семье за все эти годы, что пользовались общим добром!

<http://bllate.org/book/19375/1893797>